

ЗЕРКАЛЬНЫЙ

БОТ

Игорь
Фарбаржевич

Игорь Фарбаржевич
Зеркальный бог

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Фарбаржевич И.

Зеркальный бог / И. Фарбаржевич — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Перед вами очень и очень необыкновенная книга. Известный писатель Игорь Давыдович Фарбаржевич предлагает читателям познакомиться с целым калейдоскопом невероятных и фантастических сказок и мистических историй, произошедших в далёком XIX веке. Но ни одна из них не покажется вам скучной. Настолько правдивы и реалистичны они. Настолько буквально каждая заставляет читателей думать и сопереживать, казалось бы, книжным героям. Например, история о подробном макете города, в котором сам и живёшь. И когда обнаруживается, что всё происходящее в этом игрушечном мире, обязательно отразится на мире настоящем, - то не потеряются ли тут собственные голова и душа? Особенно, если поддастся соблазну повелевать душами чужими... Кстати, а вам не приходилось ещё сталкиваться с такими «кандидатами в повелители» чужих городов, стран и душ? Или другая сказочная небылица о зеркалах, грозящих превратить рано или поздно и всех людей, и весь мир в ужаснейшие и отвратительные карикатуры на самих же себя. Спросите у себя самих, только честно, а разве те многочисленные «зеркала в мир», которые каждый включает по несколько раз в сутки только чтобы «узнать чего-нибудь новенького» - не подобные уродующие всё и вся зеркала?.. Не зря, совсем не зря, сам Игорь Давыдович слывёт настоящим Сказочником. Попробуйте, откройте для себя его сказки, истории и притчи для взрослых. Взрослым тоже нужно кое-чему подучиться в этом мире...

© Фарбаржевич И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛУБОКОЧТИМЫЙ О. П.!	7
К ЧИТАТЕЛЮ	8
АДМИНИСТРАТОР БЫЛЫХ СОБЫТИЙ, ИЛИ ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ САРАТОВА	9
ГУБЕРНСКИЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ	15
СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игорь Фарбаржевич
ЗЕРКАЛЬНЫЙ БОГ
И
ДРУГИЕ САРАТОВСКИЕ НЕБЫЛИ

*Олегу ТАБАКОВУ,
Олегу ЯНКОВСКОМУ,
Евгению МИРОНОВУ -
Землякам славного города Саратова
посвящается*

ГЛУБОКОЧТИМЫЙ О. П.!

Тороплюсь откликнуться на Ваше вчерашнее выступление по телевидению. Вы говорили о Вашем родном городе С. и заметили, что в нём почему-то не рождаются крупные писатели.

Думаю, что так бывает в каждой местности, если там традиционно существует сильное колдовское влияние. Сообщество это или разобщенные личности, знать не могу: я в городе С. никогда не был. Но вот что случилось. Мне неисповедимым образом досталось добыть из духовного слоя тексты неизвестного писателя Николая Эльпидифорова – полтора века назад жившего именно в Вашем городе – никогда прежде не опубликованные.

То есть, был в городе С. крупный писатель. Его современники благополучно его же и съели, не ведая, как это чаще всего бывает, что творят.

Однако, вот у меня на столе его пламенные фантазии. Что делать в подобном случае – ума не приложу!

Может быть, Вы присоветуете? Буду признателен и жду звонка.

Ваш Егорий Давыдов.

– О чем, о чем? О ком? – заговорил Воланд, перестав смеяться. – Вот теперь? Это потрясающе!

И вы не могли найти другой темы?

Дайте-ка осмотреть. —

Воланд протянул руку ладонью кверху.

– Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке.

– Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят... Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман.

Кот молниеносно вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей...

М.Булгаков. «Мастер и Маргарита»

К ЧИТАТЕЛЮ

Рукописи не горят – это общеизвестно, но непонятно. Не буквально же.

Старая рукопись, которую я хочу представить читающей публике, вполне возможно и сгорела воистину, поскольку не сохранилась в архивах, не была найдена где-нибудь в заброшенном доме. В общем, я не обнаружил её случайно и тем более не искал. Она сама нашла меня.

Сейчас объясню.

В середине XIX века, в городе С. неизвестный широкой публике писатель Николай Эльпидифоров написал книгу, однако, не стал или, скорее, не смог опубликовать её.

Я ни разу не бывал в этом городе. Однажды без всякой специальной надобности... Думаете, сел на поезд и поехал? Нет же!.. Без всякой специальной надобности я стал думать и думать о старом городе С. Что мне в нём, я сам удивлялся безмерно. Но когда возле мусоропровода нашёл по нему путеводитель издания 1856 года, то все сомнения отпали сами собой. Я уже давно мысленно бродил по старым улицам, любовался домами, экипажами, нарядами женщин. Я уже набрёл в своих мысленных блужданиях на подвальчик местного букиниста. Два студента искали на полках что-то их интересующее, а сам хозяин сидел за столиком и читал в газете об открытии в Москве картинной галереи Павла Михайловича Третьякова.

Я написал первую фразу. Книга потекла в меня – так течёт ручей.

Кто Автор? И как мне быть? И что такое – литературщина?

Не знаю. Судите сами...

Ах, неужели, Боже мой,
Мы тоже станем стариной,
И унесутся стороной
Все небыли и были?..
А те, кто будут после нас,
Узнают ли в обрывках фраз:
Как мелко день, и щедро час —
Мы с вами «жили-были»?..

АДМИНИСТРАТОР БЫЛЫХ СОБЫТИЙ, ИЛИ ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ САРАТОВА

Панорама Саратова

Осень выдалась холодная, ветреная, с дождями. Сад стоял пустой и голые ветки скреблись в мои окна, когда в почтовом ящике я обнаружил письмо в старинном конверте со штемпелем и датой позапрошлого века. Имя адресата – мое.

«Милостивый государь!

Я долгие годы обладаю редкостной вещью.

Вправленный в серебро зеленый гранат под названием «Зеркало Явлений» – не просто драгоценность. Необычайный камень может показывать события прежних дней, лет и веков, а также являть грядущее, дабы люди избегали повторения ошибок Прошлого и могли предотвратить их в Будущем.

Не могу не признать, что являлся лишь хранителем камня, но не истинным его владельцем. Картины, показанные мне «Зеркалом Явлений», давали пищу для ума и воображения. Но я никогда не имел возможности использовать полученные знания: это можно делать, лишь обладая властью.

После долгих сомнений и размышлений (камень – память о дорогом для меня человеке, который, безусловно, принес бы пользу для России) я решил передать «Зеркало Явлений» в руки честного дворянина, облеченного властью.

Знаю Вас, как государственного деятеля, искренне пекущегося о процветании Отечества. Но, находясь в преклонных летах – сам я не в состоянии приехать в Москву. Поэтому прошу Вас прислать за камнем нарочного по адресу: город Саратов, Московская улица, «Книжная лавка».

За сохранность камня не беспокойтесь: его бесценные свойства проявляются только в руках законного владельца, коим отныне станете Вы...

Остаюсь, преданный Царю и Отечеству,

Орест МЕРКУРЬЕВ, букинист».

Было над чем задуматься. Это я – государственный деятель? У меня вот пьеса, заказанная театром к Рождеству, никак не лепится, то есть – не складывается! Хорош деятель!

Но имя на конверте стояло мое, и написано было теми же чернилами и той же рукой, что и само письмо.

– Шутки Варвары Карповны, – резюмировал я и решил не отвлекаться от работы: договор с театром обязывал – с первого ноября уже начинались репетиции.

Но какая, милостивые государи, работа! Я, как дурак, полдня смотрел в окно, за которым стая дроздов обедала рябину.

Однако Варвара Карповна не объявлялась.

Тогда я решил отложить пьесу и заняться описанием моей первой встречи с Варварой Карповной. Для встряски. И я написал:

«Жил Егорий, тогда еще совсем молодой сказочник, в поселке Серебряный Бор. Дом у него был деревянный – внизу горница в три оконца и кухня, наверху – спальня и кабинет.

Жил он один. Со всеми знался, со многими дружил. Роста был среднего, бороду подстригал коротко. Она у него была редкого зеленоватого оттенка. Как сено. А глаза совсем зеленые. Как молодой крыжовник.

Однажды Егорий выкатил свой старенький велосипед за калитку...»

...Однажды, в один из теплых апрельских вечеров, я выкатил свой старенький велосипед за калитку и отправился в Серебряный Бор. Я люблю сочинять на прогулках всякие истории.

С одной стороны неба солнце опускалось за верхушки сосен, а с другой окруженная бледными звездами всходила луна. Это было величественно! Но тут вдруг что-то треснуло, заскрежетало, я оказался на земле, а погнутое переднее колесо, независимо вихляя, неторопливо покатило по лесной тропинке.

Невероятно: колесо уверенно, словно приглашая меня за собой, свернуло в дачный переулок, затем в другой. И хоть дорога вела в гору, оно, между тем, легко и спокойно бежало себе вперед, как будто это было и не колесо, а собака. Остановилось оно перед каменным особняком, которого раньше тут никогда не было. Вчера на этом месте за деревянным покосившимся забором стояла дачка известного московского архитектора.

Но не это было удивительным для меня – профессионального сказочника. Удивило то, что тяжелые двери на миг приоткрылись, впустили колесо от моего собственного велосипеда, и тут же захлопнулись. Прихрамывая, я потащился к порогу.

Дом снаружи оказался очень любопытным: старинный, двухэтажный, с башенкой. Часы на башне показывали неверное время, а может – и вовсе стояли. На остром шпиле вертелся флюгер-колесо. Окна украшали резные наличники.

Я постучал дверным молотком.

– Кто там? – раздалось изнутри.

– Добрый вечер! К вам закатилось мое колесо...

Послышался ржавый визг отпираемого засова, но открылось только круглое решетчатое окошко.

– Какое такое колесо? – спросил строгий голос, обладательницы которого видно не было.

Я начал было объяснять про велосипед. Но тут двери отворились, ко мне вышла старуха с пышными седыми волосами, в платье с тысячу оборок, с медным подсвечником в руке и с крупными гранатовыми бусами на шее. Взглянула и, не оборачиваясь, пошла с поднятой высоко свечой в глубину vestibюля.

– Закройте дверь! – приказала она. – Не оступитесь! – А я уже наткнулся в полутьме на пустые грохочущие ведра. – Так, говорите, колесо? – переспросила старуха через плечо.

– Представьте себе, от велосипеда.

Наконец, мы оказались в просторном пустом зале со сводчатым потолком и ведущей куда-то вверх витой лестницей. Старуха заявила:

- Смею вас огорчить: колесо принадлежит мне.
- Вам?!.. – Я даже растерялся. – Я не краду велосипедов!

Где-то над головой раздался мелодичный звон: бомм!!.. Бомм!!.. Лестница вела, очевидно, в башню.

- Вы просто не знали, что колесо – от башенных часов.
- Интересно!
- Кстати, если оно ваше – сколько в нем спиц?.. – Она не улыбалась.

Меня это уже стало раздражать:

- А если бы я спросил, сколько... ну, скажем... гранатовых камней в ваших бусах?
- Я вам отвечаю: тринадцать на тринадцать. Ровно сто шестьдесят девять, не трудитесь пересчитывать... Я это знаю оттого, что ожерелье мое!.. А в вашем, как вы утверждаете, колесе – двадцать шесть спиц, не больше и не меньше. Когда я вяжу Время, то беру две из них, и тогда остальные соответствуют каждому часу суток... Варвара Карповна, – гордо представилась старуха. – Администратор Былых Событий! Я настоятельно прошу вас, дорогой Егорий, посетить город Саратов позапрошлого века...

- Надеюсь, вы шутите?..

Нормальному сказочнику, сочиняющему исключительно для детей младшего и среднего возраста, следовало воскликнуть: «Надеюсь, вы не шутите?!»

Однако, что сказано – то сказано:

- Надеюсь, вы шутите?
- Дело серьезное! – сказала Варвара Карповна.
- Какое же дело?.. У меня, знаете, полно дел!
- Пьеса для театра о цирке.

– Да! Откуда вам известно? И откуда вы знаете мое имя? И что от меня требуется, в конце концов? И получу ли я свое колесо? – Я заходил по зале туда-сюда. – Вы говорите, Саратов позапрошлого века? Что я там буду делать?.. Надолго ли?.. Хорошенькое дело – вот так выхватить человека из размеренной творческой жизни и отправить в Саратов позапрошлого века!

- Молодой человек! – строго прервала меня Варвара Карповна. – Замрите!

Я замер.

- Вы не спрашиваете о главном. Главное – почему выбор пал на вас.
- Да, почему именно я?! – говорить я все-таки мог.
- Потому! – чуть усмехнувшись, произнесла она.

Старая дама подняла подсвечник над головой и указала на дверь под лестницей.

- Ступайте туда! – приказала Варвара Карповна торжественным тоном. – Вас ждут...
- В Саратове?
- Вот именно.

Я покорно вздохнул и стал слушать, как найти в Саратове Николая Эльпидифорова. Затем она задула свечу. Часы на башне пробили три раза. Перед моими глазами заплясало зеленое пламя, я крепко зажмурился...

Саратов. Улица Московская-Радищева

Ярко светило летнее солнце. По площади позапрошлого века катили пролетки и кареты, перед Гостиным двором прогуливались мужчины в цилиндрах, женщины в больших шляпах, украшенных цветами и лентами.

Я был в восторге – я и впрямь оказался в позапрошлом веке.

Только успел так подумать, как с моей головы свалился самый настоящий цилиндр, а ветер тут же подхватил его и покатил по улице. Я догнал головной убор и посмотрел на свое отражение в стекле ближайшей витрины. Ах-ах, одет я был в узкие брюки, сюртук, облегающее талию пальто! Начищенные до блеска, остроносые ботинки несколько не жали.

«Вот это я понимаю! Вот это – настоящий Администратор Былых Событий!» – снова восхитился я, и взгляд мой уперся в вывеску над витриной.

«Книжная лавка О. МЕРКУРЬЕВА»

Я толкнул дверь, зазвенел входной колокольчик. В просторной высокой комнате, от пола до потолка заполненной стеллажами с книгами, за конторкой стоял невысокого роста

человек средних лет, в очках, чуть лысоватый, полноватый, с большим бантом шейного клетчатого платка. Завидев гостя, он оставил бумаги и с приветливой улыбкой быстро поднялся ему навстречу.

– К вашим услугам! – сказал он. – Орест Меркурьев!

Я представился полным титулом: сказочник-волшебник 2-го разряда – такой-то!

– Неужели?! – вдруг воскликнул букинист и радостно промолвил: – Вас послала к нам сама судьба!

– Вообще-то меня направила к вам Варвара Карповна, – заметил я.

– Варвара Карповна!.. – задумался на миг букинист. – Нет, не припомню! Но кто бы она ни была – вы так вовремя здесь очутились! Я хочу спасти одного славного человека. Поможете мне в этом? Ребенку грозит опасность!

– Ребенку?! Опасность?

– Огромная! – Господин Меркурьев снял с вешалки цилиндр и трость. – Пойдемте, здесь недалеко.

По дороге он рассказал мне о том, что было их три друга с гимназических лет: Эльпидифоров, Чижов и Меркурьев (своих друзей букинист описывал взволнованно-торжественным тоном – словно оду слагал). Малолетний сын архитектора Эльпидифорова остался круглым сиротой, и опекунство над ним взял второй друг – губернский чиновник Чижов, человек богатый. Однако мальчик оказался сиротой дважды: недавно скончался и его опекун!

– Теперь по уговору, – объяснил букинист, – заботу о ребенке должен взять на себя я. Но мне Николеньку не отдают! И вот почему...

– Наверное – наследство? – догадался я.

– Наследство! Но какое!..

Оказалось, родственникам покойного друга мало оставленных им домов и земель. Они потеряли остатки совести и разума, желая заполучить редкостный зеленый гранат под названием «Зеркало Явлений», подаренный некогда Чижову якутским шаманом.

– По завещанию – наследником, а, следовательно, и хозяином камня, является Николай. Хранителем – до совершеннолетия Николеньки – я.

– А почему вы не опасаетесь за свою жизнь?

– Дело в том, – объяснил букинист, – что камень обладает особыми свойствами, которые проявляются лишь в руках законного владельца. Украсть его невозможно. Для вымогателя или грабителя он – пустая безделица. Но родственники моего друга просто замучили мальчика! К нему приставили гувернантку мадмуазель Передрягину. Это чудовище! Ребенок перестал есть, спать, всего боится... Его воля подавлена, он может согласиться на добровольный отказ от наследственного камня в пользу губернатора.

– Но ведь по закону опекун Николая – вы!

Господин Меркурьев горько усмехнулся:

– По какому закону?!.. О чем вы говорите?! В нашем городе действует лишь один закон: воля генерал-губернатора! А желание у него тоже одно: завладеть камнем. Именно он больше всех жаждет получить таинственный гранат! Остальным, должно быть, даст в качестве отступного солидную сумму. Видимо, он рассчитывает с помощью «Зеркала Явлений» распространить свое влияние на Петербург!

Мне пришлось возразить:

– Но что я могу сделать?! Ведь я не адвокат и не лекарь!

– Плохо же вы себя знаете! – воскликнул букинист. – Одна хорошая сказка делает порой больше чудес, чем любой закон или пиллюля! Николеньку надо поддержать, укрепить, просто развеселить, в конце концов! Ведь если они добьются своего, и он добровольно отдаст «Зеркало Явлений»...

Владелец лавки даже руками замахал, словно отгоняя призрак...

– Послушайте, а действительно, почему нельзя от него отказаться?.. Хотя бы ради спасения ребенка?

Господин Меркурьев буквально взвился:

– Предсказывающий камень – им – алчным, тщеславным властолюбцам?! Им отдать духовную власть над миром?!.. Тогда мир перестанет существовать! Потом, голубчик, не сдаваться же на милость подлецам!.. – Букинист не договорил: внезапно возле нас остановилась полицейская карета. – Мы не успели!.. Это – полицмейстер, – упавшим голосом сказал он и шепнул: – На всякий случай запомните адрес: Московская улица, дом Чижова!

Возле хозяина книжной лавки встали по бокам два пристава.

– Молчать! Руки за спину! – раздался громовой голос. – Вперед! – Его повели по дощатому тротуару.

– Вас попрошу сюда! – любезно приказал полицмейстер и распахнул для меня дверцу казенного экипажа. – Трррогай!.. К губернатору на дачу!..

Повести Николая Эльпидифорова

Услышаны из Времени

и опубликованы

Егорием ДАВЫДОВЫМ

ГУБЕРНСКИЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ

1.

Итак... Жил в небольшом имении невдалеке от слободки Черный лес один отставной интендант. Уж, как ни выслуживался он с младых лет в казармах, как ни старался, а выше капитана, увы, не допрыгнул.

Капитала особого сколотить не сумел, жениться – не женился. Так и жил один-одиночек. Обладал всего десятками тремя крепостных крестьян, потому и считался среди соседей-помещиков человеком бедным и неуважаемым, хотя неглупым. Никто его к себе в гости не звал, а сам он и рад бы кого пригласить – да денег на закуску не хватало. Только с полковником Албинским иногда виделись, да гостил у него изредка двоюродный племянник матушки пристав Сковрцов.

Ел капитан, что Бог пошлет: на завтрак – молоко с булкой, в обед костлявую утку с мочеными яблоками. А перед сном позволял себе иногда чарки две-три винца пропустить да поблагодарить Господа за то, что живет себе на свете тихо, что смерти на войне избежал, что ни к кому не в претензии. А уж коли и забыли его – то, может, оно и к лучшему: подальше от людских речей, склок да темных дел. Только в сновидениях иногда видел он себя могучим да знатным в окружении больших чинов и первых красавиц целой губернии. Все ему улыбались и кланялись, кланялись... После таких снов он в течение нескольких дней ходил сам не свой – надутый и важный.

Да, чуть не забыл, звали его Викентий Гаврилович Передрягин.

Как все военные в отставке, любил он охоту и часто выезжал на старом гнедом рысаке – точно такой же был у него еще в Отечественную, когда Передрягин сопровождал телегу с провиантом для пленных французских офицеров.

Случилось ему как-то раз с Албинским на кабана охотиться. Снарядились ранним утром, пока не встало осеннее солнце, и отправились к Лысой горе. Вершина ее была действительно голой, зато склоны обрамляли эту «лысину» густой порослью лесов. У подножия охотники спешили, оставили часть слуг с лошадьми, поделились на четыре группы и разошлись. Передрягин пошел один: какие уж кабаны с его-то ружьишком! Но уток собирался настрелять изрядно. К тому же, настолько отвык от людского общества, что привычней чувствовал себя в одиночестве.

Он спустился к подножию горы в болотистое место. Сапоги, в которых капитан с трудом вышагивал по топкому дну, франтовато покрылись бархатом ряски. Стоячая вода, если на нее долго смотреть, иногда казалась ровной зеленой поляной. Легавая бежала впереди и часто делала стойку на камышовые островки. Натаскана сука была прекрасно, да и стрелком Викентий Гаврилович был отменным, так что часа через полтора на поясе его охотничьей перевязи, растопырив перепончатые лапы, болтались пять будущих обедов. Передрягин притомился, поэтому стал выбираться из низины на сухой склон. Тут-то и решил передохнуть...

Вдруг раздались вдалеке голоса егерей, беспорядочные выстрелы... Слышит капитан: кто-то сквозь кусты продирается. Оглянулся Передрягин – батюшки-светы! – вместо кабана – матерый волк прямо на него несется. Откуда он в этих местах? Отродясь не бывало здесь волков! А егеря все ближе, а выстрелы все чаще. Остановился зверь, глянул в глаза капитану, да так пристально, в самые зрачки, что тот невольно опустил ружье, заряженное дробью, и застыл на месте. А волк – шасть вбок – и пропал! Выбежали к Передрягину охотники, тяжело дышат, глазами сверкают.

- Не пробежал ли, – спрашивает Албинский, – волк поблизости?
– Нет, – отвечал Передрягин, – ни волка, ни кабана не приметил.

Огорчились охотники, пошныряли в лесу до обеда, да так кабана и не накрыли. На том охота и кончилась. А через полгода случилось вот что...

2.

Теплым вечером в конце апреля, Викентий Гаврилович сидел на веранде и, допивая вторую чарку сливовой настойки, курил свою любимую трубку и пел под перебор гитары старинный гусарский романс:

Я уеду, уеду, уеду
Не держи, ради бога, меня!
Поскачу по гусарскому следу,
оседлав вороного коня!
Теплый отсвет заветных окошек
на снегу замерзает, дрожа.
Будет вьюгой мундир припорошен,
будет холоден блеск палаша.
Я уеду, уеду, уеду!
Что найду в том далекой краю?
Пропоеет ли труба мне победу
или жизнь отпоеет мне в бою?..
Ты молчишь, только узкие плечи
беззащитно белеют в ночи.
Поцелуй... Бессвязные речи...
И вино... И огарок свечи...
Я уеду, уеду, уеду!
Мне милее мундир голубой,
чем глаза твои синего цвету.
Не проси – не останусь с тобой!
Конь копытом бьет мерзлую землю.
Ни тебе, ни себе не совру...
Но зачем же, скажи мне, я медлю
и целую тебя на ветру?..

Ближе к десяти часам, когда солнце уже склонялось на покой, по дороге, ведущей в его имение, появилась карета.

Эта была старинная повозка, в коих ездили, лет этак триста назад. В уходящих лучах солнца сверкали, будто золотом, колесные спицы, крыша и двери. Вот уже стал слышен скрип колес и топот четверки вороных коней, вот карета с разбегу въехала на близкий мосток и благополучно миновала его, и вот теперь на всех парах неслась прямо к воротам имения.

Викентий Гаврилович не успел даже вскочить со стула, а карета уже стояла у деревянных ворот.

Теперь он имел возможность совсем близко рассмотреть ее. Она была темно-вишневого цвета, вся лакированная, а спицы, крыша и двери были как из чистого золота. За оконным стеклом висела зеленая занавеска, из-за парчовых складок которой проглядывал важный мужской профиль.

С облучка спрыгнул на землю слуга-возница и почтительно распахнул дверцу кареты. Из нее вышел бородатый мужчина, одетый, несмотря на теплый весенний вечер, в богатую волчью шубу. Издали он так пронзительно глянул прямо в глаза капитану Передрягину, что тот даже вздрогнул.

Незнакомец подошел к высокому крыльцу и, не всходя на ступеньки, свысока кивнул стоящему наверху хозяину.

– Разрешите переночевать в вашем доме, – сказал он капитану.

Передрягин растерялся, ибо уже лет десять никто у него не останавливался.

– Всего одну ночь, Викентий Гаврилович, – уточнил чернобородый. – Я думаю, что не потесню вас. А вот отблагодарю – достойно.

Передрягин растерялся вконец:

– Простите, сударь, мы разве знакомы?..

– Как сказать... – усмехнулся тот.

– А у меня такое чувство, – сказал встревоженный капитан, – что мы уже где-то с вами встречались...

Незнакомец подтвердил:

– Конечно, встречались! Да вот познакомиться недосуг было. Так что разрешите представиться – Вольнор.

Капитану отчего-то стало зябко. Поеживаясь, он уточнил:

– А – по батюшке?..

Приезжий взглянул на растерянное лицо Передрягина и добавил, снова усмехнувшись:

– А не надо ни по батюшке, ни по матушке. Только по имени...

– Ну что ж... Очень приятно-с... – пробормотал капитан. – Чего же мы тогда стоим? – и суетливо пригласил Незнакомца в дом.

Взяв с сундука в прихожей зажженный канделябр, Передрягин вошел вслед за Вольнором в гостиную и поставил свечи на стол. Осмотрелись оба... Передрягин снова ощутил досадное чувство унижения: гостиной ведь не пользовался с зимы.

Гостя же, видимо, не беспокоило запустение, царившее в комнате. Вольнор взял инициативу в свои руки.

– Разрешите присесть?

– Да уж извольте-с... – пробормотал хозяин.

– Отужинали? – поинтересовался гость, пытливо глядя в глаза капитана.

Голос Передрягина предательски задрожал:

– Э-э-э... Совсем недавно, – пробормотал он. – А повар... уже спит... Вот каналья!.. Хотя, если вы голодны, то я разбужу... Правда, совсем не знаю, какие запасы на кухне... Меня другие дела интересуют... Военное искусство, например... Или философия...

Капитан вконец сконфузился. Он так стыдился обнаружить перед кем-либо свою нищету!

– Все это – ерунда! – доброжелательно рассмеялся Вольнор. – Это я спросил к тому, чтобы пригласить вас поужинать со мной.

Он щелкнул пальцами, сверкнувши драгоценными перстнями.

Не успел Передрягин и глазом моргнуть, как на огромном обеденном столе, словно на скатерти-самобранке, появились такие блюда и закуски, которых бедный капитан отроду не видывал, несмотря на большой опыт интенданта, а уж попробовать и вовсе возможности не было. Упомяну лишь о некоторых напитках, которых сегодня, увы, не хватает на нашем столе. Вино Бургонское, водка с клюквой на меду... еще вино кинарское, мальвазия... затем – вино греческое, венгерское белое... потом – красное рейнское, а дальше язык... у меня... за-а-ап-летается, и нету слов... говорить боле.

Когда Викентий Гаврилович все это увидел, – едва со стула не свалился. Но чтоб не показаться неучтивым в глазах богатого гостя, Передрягин ухватился за край атласной скатерти, которой у него отродясь не было, с трудом удержался за столом, икнул и спросил Вольнора:

– Ваша светлость, как это все понять?..

– А чего понимать? – весело спросил Вольнор. – Пейте да угощайтесь! И ни в чем себе не отказывайте.

И стали они ужинать, вернее ел и пил только один Викентий Гаврилович. Он решил, пусть даже лопнет, но отведаёт все блюда и напитки. Гость же лишь, с разрешения хозяина, дымил сигарой да с интересом наблюдал за отставным капитаном, который быстро опустошал тарелку за тарелкой.

После пятой или седьмой рюмки страх Передрягина испарился, волнение прошло, и он, закурив предложенную сигару, стал расспрашивать гостя: кто он и что делает в этих краях.

– Путешествую, – односложно ответил гость. – Денег у меня предостаточно, а времени еще больше.

– Хорошее это занятие – путешествия!.. – завистливо вздохнул Викентий Гаврилович. – Веселое и беспечное.

– Не скажите, милейший, – возразил ему Вольнор. – Скучное это дело: мотаться по всему свету... Везде одно и то же... За тысячу лет – ничего принципиально нового! Я имею в виду человеческие отношения. Вот поэтому-то и стал я с некоторых пор забираться в сны к людям. Авань, там не заскучаю!.. И верите? – он пронизательно глянул в глаза Передрягину. – Там случается такое, чего никогда не будет на самом деле! И человек во сне совсем иной, чем наяву.

Викентий Гаврилович, как только услышал про тысячу лет, застыл с сигарой в руке, внимая каждому слову Вольнора. Мурашки бегали у него по спине, словно блохи в военные годы.

– Вот вы, например, – продолжал странный гость. – В жизни почти незаметны, но там, в мире сновидений, вы – царь, повелитель чужих жизней и судеб! Это не лесть, милейший Викентий Гаврилович. Я люблю волевых людей. – Он сделал небольшую паузу и улыбнулся: – А вот за то, что вы недавно спасли мне жизнь, я решил сделать не совсем обычный подарок.

Капитан от неожиданности поперхнулся:

– Я? Спас? Вашу? Жизнь?!.. – закашлялся он. – Когда же, позвольте узнать?!

И тут волчья шуба Вольнора, небрежно сброшенная в кресло, слегка зашевелилась. Волосы встали дыбом на голове отставного капитана.

– Так это... были вы?!

Вольнор громко расхохотался.

– Я, Викентий Гаврилович! Так вот о подарке... Не стану загодя расхваливать его необыкновенные способности, особенно сейчас, когда вы немного навеселе. Завтра вы найдете его на столе в кабинете. Не спешите. Разберитесь. И тогда ваша жизнь приобретет совершенно другой смысл. Выпьем же за сны!

Вольнор поднял большой бокал вина, Передрягин чокнулся с ним, выпил, и словно куда-то провалился...

3.

Украшенная первыми листьями ветка стукнула в окно. За окном стоял теплый апрельский день.

Викентий Гаврилович потянулся, осмотрелся и мгновенно вспомнил все до мельчайших подробностей.

– Приснится же такое! – сказал он вслух и мечтательно добавил: – А напитки-то были просто волшебные!

Передрягин, с легкостью, какой не чувствовал уже много лет, вскочил на ноги, умыл лицо из кувшина, и на всякий случай решил заглянуть в гостиную, в которой с зимы не был. Он открыл дверь и остолбенел: накрытый стол, который ему приснился, стоял на самом деле, источая такие божественные кулинарные запахи, что отставной капитан тут же чихнул семь раз подряд.

Сердце вновь бешено заколотилось, и он кликнул домашних. Прибежали слуги, клянясь и божась, что ничего не слышали, и ни про что не знают.

Отставной интендант тупо смотрел на невиданное изобилие, затем налил рюмку рейнского и тут заметил в пепельнице два сигарных окурка, схватил тот, что длиннее, прикурил и медленно пошел в кабинет.

Так и есть! На его столе лежал завернутый в черную бумагу и перевязанный грубой бечевой большой толстый пакет.

Передрягину стало душно. Он распахнул окно и дрожащими руками осторожно развязал веревку. В бумагу оказалась завернута большая плоская картонная коробка. Сняв крышку, он увидел нечто похожее на тот французский набор оловянных солдатиков с фортом, пушками и даже с конницей, который отец подарил ему в детстве. Только здесь вместо солдатиков лежали картонные человечки: мужчины и женщины всех сословий – от крепостных до дворян. Крестьяне и крестьянки, купцы и купчихи, помещики и помещицы, генералы и генеральши – все они были вырезаны с особой аккуратностью и тщательностью.

Еще в коробке оказались аккуратно сложенные макеты церквей и домов. Присмотревшись к ним, Викентий Гаврилович с удивлением обнаружил, что картонная архитектура в совершенстве копирует здания их губернского города. Вот гимназия, где учился он сам. Это Пансион благородных девиц, куда на Новый год приглашали прыщавых курсантов угловатые ученицы. Вот больница, в которой он пролежал, мучась животом, а это – трактир «Чаво изволите?», где он впервые наклюкался водкой. Тут – французский магазин, здесь – торговые ряды, а вон – первая частная аптека. Ах, как все это было ему знакомо!

«Странный подарок!.. – недоумевал Передрягин. – Может, Вольнор хотел, чтобы я не обременял себя поездками, а путешествовал, сидя дома?.. Гм... Что-то тут не так... Ведь не ребенок же я, в конце концов, да и он – не дурак, черт подери!..»

Тут Передрягин схватился за голову: до него дошло, что вчерашний гость был не кто иной, как сам... чур меня, чур!..

«Господи, – повернулся он к иконам. – Как же я сразу-то не догадался?!..» Передрягин стал усиленно креститься, губы привычно зашептали молитву. Но слова произносились механически: мысли были заняты лишь тем, что это все могло бы значить?.. Он скосил глаза на письменный стол, и вдруг непреодолимая сила потянула его туда.

Тяжело дыша, Викентий Гаврилович достал со дна коробки карту губернского города, а в уголке, под фигурками игральные кости: два кубика из самшита, прохладные на ощупь. Все та же неведомая сила заставила его тотчас же разложить карту на столе и выставить на ней все картонные дома, словно декорации на сцене. После чего у него возникло странное неотвязное желание бросить кости. Они упали у картонного театра, который тут же внезапно вспыхнул, невесть откуда взявшимся огнем и вмиг сгорел, будто и в помине не было. Ни искры, ни золы...

У Передрягина закружилась голова. Осыпая игрушечный город седым сигарным пеплом, он без чувств упал на кожаный диван. Сколько пролежал – не помнил. Помнил только,

что не спал. Очнулся капитан от холода. Он продрал глаза, и с трудом поднялся с дивана. Очень болела голова, будто после выпитого.

У открытого окна стоял конюх Степан. Завидев барина, он подошел поближе:

– Страсть что в городе творится, барин!

– Что?.. – вяло спросил капитан, наливая себе рюмку водки, чтобы согреться. К тому же, он хорошо знал конюха, которому соврать – что кнутом щелкнуть.

– Тиянтер сгорел! В полчаса!

– Господи! – всколыхнулся Передрягин. – Никак, совпадение... Когда?!

– Вчерась пополудни. И гореть бы целому кварталу, коли б не снегопад!

«Стало быть, сутки прошли», – отметил про себя Викентий Гаврилович и тут только обратил внимание, что и деревья, и зазеленевшая было земля, и крыши дворовых построек, – все засыпано тяжелым липким слоем снега... В каком-то полу-оцепенении он подошел к столу и, не ведая что творит, вновь бросил кости на карту города. На этот раз они упали прямо на макушку Соколовой горы. Та покосилась, меняя форму, а с ее боков, как букашки с листа, сползли домики.

– Готовь пролетку! – приказал в окно капитан.

– Какую пролетку, барин! – возразил несговорчивый конюх. – Впору сани запрягать!

– Запрягай что хочешь, – капитан от нетерпения сорвался на визгливый крик, – но чтоб через пять минут все было готово!..

К Соколовой горе сани подлетели часа через три.

4.

Повсюду сновали кареты скорой помощи, трубили и звонили пожарные команды.

– Что случилось, матушка? – спросил Степан у бедно одетой старушки, с трудом державшейся за столб газового фонаря.

– И-и, милай, – всплакнула она. – хибарки-то наши провалились сквозь землю. Стояли себе мирно, и вдруг сегодня, среди бела дня – оползень! Раз и – проглотил их! Горе-то какое!.. – Слезы градом покатались по ее морщинистым щекам. – Внушенька моя... Уж не знаю: жива ли... Все копают да выкапывают... Много их там. Всю ночь напролет копали. Семь человек уж достали. А моей среди них, слава Богу, покуда не оказалось... И за что такие напасти?!.. Ах, бедная-бедная! – запричитала она и без сил привалилась к столбу.

– Куда ехать? – спросил Степан хозяина.

Передрягин не ответил. Он сидел в пролетке, как восковая кукла, и весь дрожал мелкой дрожью.

– Э-э, да вы, барин, никак простыли, – решил конюх и поворотил оглобли домой.

В имение приехали к полуночи. Осторожно положив капитана в постель, слуги разошлись по дому, шепотом обсуждая нездоровье хозяина.

А тот лежал в темноте и размышлял вслух:

– Выходит, ОН мне дал такую силу... Но ведь это же – грех, преступленье! Сам! Своими руками!!!.. А, впрочем, разве это я убивал?!.. – Он нервно рассмеялся. – Бред!.. Завтра же поеду к уездному лекарю. Пусть нервишки подлечит: микстуру пропишет, или на Воды отправит... И впредь о господине Вольноре ни-ко-му! И себе тоже...

Он закрыл глаза и тут же заснул. И приснился ему Вольнор в своей волчьей шубе. Строго глянул на Передрягина, укоризненно произнес:

– Что ж это вы, любезный, людей убивать надумали? Я ведь просил хорошенько ознакомиться с подарком. А вы что? С налету да с наскоку решили судьбу изменить? Ведь там, в коробке, на самом дне, инструкция лежит. А вы ее пропустили. Вот и натворили бед, Викентий Гаврилович! – Но тут же примирительно добавил: – Ну, ладно, мертвых не вер-

нешь, только в дальнейшем умнее будьте. – Он помахал ему рукой и пропал, а Передрягин проснулся.

Добрался он кое-как до прихожей, выпил кружку теплого кваса и направился в свой кабинет.

На этот раз он осторожно заглянул в коробку, чтобы, не дай Бог, не уронить что-нибудь на карту города. И вправду: на самом дне лежала бумаженция, на которой большими буквами было написано: ИНСТРУКЦИЯ – и больше ничего! Он перевернул ее другой стороной, потом вверх ногами, зачем-то посмотрел на свет – ни единой буковки!

– Странно!.. – обескуражено сказал Передрягин. – Что ж это за сон такой?..

И еще раз принялся внимательно рассматривать картонных человечков. Бог мой! Да ведь их лица совершенно были похожи на лица официальных губернских властей! Вот – сам губернатор, с вздернутым мясистым носом, пышными бакенбардами и знаменитой шишкой на лбу, вот – судья, с заплывшими от горячительных напитков глазами... А где же, где же... ах, вот он! Прокурор, худой и желчный, словно проглотил таракана...

Передрягин даже расхохотался, позабыв на миг о страшных событиях последних дней. И вновь, словно по чьей-то указке, не понимая, что делает, расставил каждого у здания, к которому тот относился: губернатора прислонил к входу в его дом, Начальника пожарной охраны – у пожарной каланчи, судью – у здания городского суда, полицмейстера – у Главного полицейского управления...

Расставил – и еще раз подивился схожести картонных человечков с их живыми оригиналами.

Глядя на полицмейстера, отставной интендант вдруг возмутился вслух:

– Отчего этот вечно болеющий побочный сын графа Денисова без толку занимает пост, а губернаторские приказы вместо него должны исполнять другие?! Даже кузен мой гораздо лучше справится с его работой. Ведь как лихо он организовал поимку разбойников в Петровских лесах! Вот возьму – да и разжалую сего хворобу!

Он взял на ладонь картонного полицмейстера и сильно щелкнул его пальцами по носу, затем ножницами аккуратно срезал погоны и поставил сторожить будку, что при въезде в город. Потеха, как есть, потеха!

«Даже если эта игра как-то и связана с событиями в городе, – продолжал размышлять Передрягин, – уж это точно никак не исполнится! Видано ли дело, чтобы полицмейстер в одночасье превратился вдруг в сторожевого! А раз так, почему бы не развлечься еще немного?»

И переставил судью на место трактирщика «Чего изволите?» – тем более, что тот в прошлом году не поверил ему в долг... Трактирщику Передрягин приготовил другой сюрприз: он сделал его мальчиком на побегушках.

Словом, наигрался вволю и немало себя потешил!

Отсмеявшись и отдышавшись, отставной капитан кликнул дворовых девок и приказал накрывать на стол: очень уж он проголодался. Уплетая с большим аппетитом тушеные грибы в сметане и вареную картошку, посыпанную соленым укропом, он услышал под окном встревоженный голос полковника Албинского:

– Викентий Гаврилович!

Передрягин раздраженно скривился: не любил, когда мешали трапезничать. Он вытер губы о край скатерти и подошел к окну. В экипаже сидел белый, как официальная бумага, сосед.

– Слыхали новость?!.. – заорал тот на весь двор, вращая бесцветными глазами: – Судью-то нашего – тью-тью! И полицмейстера тоже! Говорят, приказ из столицы прибыл. Как вам это нравится?! Общественность в панике: новых назначений пока нет. Тут явно какой-то шахермахер... В какие времена живем!.. – Он сделал паузу, чтоб отдышаться и впервые

понижил голос: – Я давно подозревал, что они оба... тайные агенты немецкого Двора... или того хуже: масоны! Но это – между нами. – Албинский заторопился. – Не буду вас утомлять, уважаемый Викентий Гаврилович! Надо успеть еще в два места... – он ткнул кучера острием зонтика. – Пшел! – и через мгновение лишь облако пыли висело под окном Передрягина.

На этот раз Передрягин почти не удивился. «Вот она в чем «ИНСТРУКЦИЯ!» – подумал он. – Теперь Я МОГУ ПРАВИТЬ ЛЮДЬМИ! Могу наказать, уничтожить, а могу и отблагодарить, устроить чью-то судьбу или карьеру...»

Такая мысль пришла ему по душе: осуществлялись его сны. Он порылся среди картонных фигурок, всматриваясь в них, нашел там Скворцова и поставил его возле полицейского управления.

«Однако, – осенило вдруг капитана, – он и так уже фактически полицмейстер. Нет уж, если благодетельствовать – так в полной мере! Пусть, раз он мой родственник, тоже решает кое-какие судьбы! – И торжественно назначил его на пустующее место судьи. А в полицмейстеры решил произвести соседа Албинского. Пусть хлопочет: реже будет отвлекать по пустякам.

Словом, потрудился Передрягин на славу. Он вошел во вкус этой игры, и каждый день ставил новый спектакль. Ему понравилось играть чужими жизнями и судьбами.

Он стал чаще появляться в городе. Всякий раз, проезжая мимо губернаторского дома, с тайным наслаждением думал, что губернатор – хозяин лишь своей шишки на лбу. Настоящий Хозяин всего – он. Если что не понравилось – запишет в блокнотик, дома пролистает и – за дело: перетасует картонных человечков, бросит игральные кости у неприятного ему заведения. В общем, задышал всей грудью, зажил полной жизнью! Огорчало только, что никак не мог он придумать, как ему поправить свой недостаток! Но потом решил и эту проблему: стал заключать со знакомыми пари на новые назначения.

Удивила и расстроила его в те дни неожиданная смерть кузена. Тот, насобирав тома судебных дел, перевязал их крепкой бечевой, повесил себе на шею и бросился вниз головой с моста. Капитану было так обидно, словно он получил свидетельство черной неблагодарности бывшего пристава.

Так прошел месяц-другой. Игра стала понемногу приедаться. Все, что можно было перевернуть с ног на голову – было перевернуто. Все варианты были разыграны. А Вольно больше не появлялся: ни во сне, ни наяву, и Передрягин совершенно не знал, что делать дальше.

5.

Однажды, разбирая картонные фигурки, он увидел в одной из них... себя. Да-да! Определенно это был он! Даже бородавка на левой ноздре была тщательно прорисована.

Тут Передрягин воспрянул духом, и новые планы родились в его безумной голове.

«Как же я раньше-то себя не нашел!» – сокрушался он.

И тут же, не мешкая, назначил сам себя губернатором всего края. И не просто губернатором, а генерал-губернатором, так как он все-таки был военным. И переехал в губернский город, и занял губернаторский особняк в самом центре, и стал уже открыто повелевать людьми.

Теперь он стал подумывать о женитьбе. Ему давно нравилась одна особа. Только вот незадача – была она женою Прокурора. Передрягин, тем не менее, решил добиться ее благосклонности.

Для начала он отослал прокурора с проверкою в уезд. Сам же, не теряя времени, стал осыпать его жену всевозможными знаками внимания: присылал корзины с цветами, нанес

несколько визитов, во время которых мало говорил, но часто бросал длинные многозначительные взгляды.

Наконец, устроил традиционный бал в своем доме и приурочил его ко дню Ангела своей замужней избранницы. Именно на балу он решил объясниться с «предметом страсти пылкой».

Он дождался момента, когда танцы были в самом разгаре. Молодые губернские чиновники под музыку носились по залу с дворянскими и купеческими девицами. Капитан предложил имениннице локоть и вывел ее в сад. Там, в беседке и должно было произойти событие, к которому он так тщательно готовился.

Передрягин с трудом встал на левое колено и надел на руку возлюбленной тонкий золотой браслет, сопровождая это действие стихами, которые специально сочинил накануне:

Я сегодня, как мальчик, доверчив:
Так хочу я поверить любви!
Ах, как светятся взгляды у женщин!
Но как звезды – глаза мне твои!

Он надеялся, что после этого должен был последовать поцелуй – для чего даже привстал с колена... Но прокурорша с негодованием оттолкнула стареющего губернатора, швырнув дорогой подарок в лицо.

С трудом дождавшись окончания бала, бывший отставной интендант, а ныне – губернский повелитель, решил более не церемониться с несговорчивой особой. Вновь пришла пора действовать проверенным способом: найти в адской игре картонные фигурки прокурорской четы и подчинить их судьбы своей воле.

Он искал игру Вольнора весь день и всю ночь. Обыскал старый дом, поднял на ноги слуг. Игра не нашлась... Может (но об этом не хотелось даже и думать), сам Вольнор похитил картонный город – кто знает! Так или иначе – жениться генерал-губернатору Передрягину не довелось.

С этого дня дела его пошли наперекосяк. В Петербург посыпались подметные письма от тайных и явных врагов с жалобами. Раньше, когда все делалось втемную, по волшебству – сам Передрягин был как бы ни при чем. Но теперь губернатор Передрягин отдавал конкретным людям конкретные приказания, множа тем самым количество недовольных, потому что править, как оказалось, он не умел...

Вскоре из столицы прибыл фельдъегерь с Царским Указом, чтобы доставить губернатора в столицу для отчета.

Остаток жизни он провел в казенном Желтом доме, привязанный полотенцами к ржавой больничной кровати.

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

*О, как легко мне стать счастливым:
лишь в клетку осень заманить...*

Из старинного романа

1.

Невероятная по своей таинственности история приключилась в нашем уезде.

Недалеко от города П. жил одинокий дворянин Сергей Ильич Стрешнев.

Он был очень богат, имел дорогой дом, женился.

Сразу же после свадьбы отправились они с женой в свадебное путешествие по Италии. В дорожной карете проехали вдоль всего побережья, купались в изумрудных водах двух морей – Тирренского и Средиземного, обедали в небольших тавернах, покупали на рынках жареную рыбу, медовые груши, жирные маслины и сочный виноград. А еще пили прохладное вино в веселых кабаках. Побывали в Ватикане – в галерее Борджиа, стояли у Пизанской башни и у подножия Везувия, сидели на каменных скамьях Колизея и, затаив дыхание, дивились на фрески великого Рафаэля в церкви Санта-Мария дель Пополо. Словом, путешествовали на славу!.. Но однажды утром, проснувшись в номере маленькой римской гостиницы, молодой дворянин обнаружил, что его жена исчезла... Он поднял на ноги всех карабинеров Вечного города, но юная супруга как в воду канула!.. Целых три месяца посвятил супруг поискам жены. Он был потрясен, почти что сломлен и все не мог поверить в случившееся. Однако, так ее не найдя, – убитый горем, вернулся в Россию.

С той поры жизнь для молодого дворянина, видимо, потеряла всякий смысл. Он перестал выезжать в свет, интересоваться друзьями, забросил хозяйственные дела... Имение потихоньку приходило в упадок, но он этого не замечал.

Однажды, в конце мая, заехал к нему в имение старинный друг Александр Привалов, не ведавший про беду Сергея Ильича. С трудом узнал он в полуседом бородатом человеке с потухшим взором – еще недавно молодого беспечного влюбленного. Погоревав с ним за дюжиной привезенных бутылок шампанского да выкурив несколько трубок, Александр решил встряхнуть друга и предложил Стрешневу съездить в город на открытие нового частного театра купца Афонина.

Хозяин вначале наотрез отказался ехать, но чуть захмелев, согласился и даже обрадовался такому предложению, ибо не был в городе уже давно. Он велел достать из сундука фрак. После проведенных над Сергеем Ильичом цирюльничьих манипуляций, Привалов был рад отметить, что друг его приобрел почти прежний молодеватый вид. Поехали.

Вот проехали городскую заставу, вот экипажи остановились у городского сада, напротив которого расположилось роскошное здание нового театра. При входе – Стрешнев кинул мимолетный взгляд на богиню Талию, держащую в одной руке комическую маску, а в другой – бубен, и отметил про себя, что лицо ее кого-то напоминает. Фасад украшали статуи девяти муз размером в человеческий рост, располагавшиеся на небольших постаментах. Привалов схватил его под руку и потащил внутрь...

Не дожидаясь, пока Керубино переоденется в платье Сюзанны, Стрешнев незаметно покинул театральную ложу в тот момент, когда Александр усердно поедал глазами дочку статского советника. Получив назад от швейцара свои перчатки, трость и цилиндр, Сергей

Ильич поспешно вышел на театральную лестницу. Он уже протрезвел, и память его, задремавшая на время, стала вновь мучить душу.

Заметив хозяина, кучер Харитон подъехал поближе к ступеням и даже распахнул дверцу. Стрешнев еще раз кинул взгляд на богиню комедии, и вдруг... странная мысль пронзила его. Он схватился рукой за колонну, чтобы не упасть.

– Сережа! – раздался позади голос Привалова. – Вот где ты, беглец! Ну, неужто так можно: покинуть меня да еще вначале пьесы?! – Он посмотрел на него. – Э-э-э... да тебе, братец, нехорошо!..

Стрешнев только показывал рукою куда-то наверх.

– Она... – бормотал он. – Это она...

– Кто она?! – удивился Привалов, тщетно пытаясь увидеть то, что разглядел Стрешнев, и чего он сам не замечал.

– Ия... Муза Талия... Жена моя!.. – выдохнул Сергей Ильич и рухнул в объятия друга.

Тот растерянно огляделся по сторонам и, заметив внизу стрешневскую коляску, отчаянно замахал кучеру, но Харитон и сам уже бежал со всех ног.

– Хватай барина да вези-ка домой, – посоветовал Привалов. – Худо ему очень. Видать, умом тронулся.

Поддерживая Сергея Ильича с обеих сторон, спустились к экипажу.

– Виданное ли дело: каменную девицу признать своей женой, – кивнул Привалов в сторону мраморных богинь.

Харитон тоже мельком глянул на них и вдруг прошептал, быстро перекрестясь:

– Господи!.. Никак, барыня Ия Кузьминишна!..

На следующий день Стрешневу по просьбе Привалова нанес визит доктор, который был тут же отправлен восвояси. Это укрепило Александра во мнении о болезни друга. По городу проползли слухи о тяжком нездоровье Сергея Ильича.

Прошла неделя. Стрешнев почти не вставал с постели, о чем-то все время напряженно думал.

Наконец, в первое воскресенье, под вечер, он поднялся с кровати и позвал челядь:

– Филька! Васька! Чтобы к ночи были готовы. Поедем в город. И никому про то ни слова!..

Сергей Ильич велел им взять с собой крепкий длинный канат и несколько больших покрывал. Харитону же приказал снять с дуги колокольчики, а перед городской заставой свернуть.

– Через лесок, что ли? – удивился кучер.

– Именно, – ответил Стрешнев. – И тем же путем обратно.

– Ох, не застрять бы, барин! – с тревогой покачал головой Харитон. – Дорога, сами знаете: сплошной кисель. А возле оврага, не дай Бог, и вовсе завязнем.

– Делай что говорят, – холодно буркнул Сергей Ильич.

– Воля ваша, – обиделся Харитон. – Только после не извольте сердиться.

Как только часы в каминной пробили полночь, коляска с закрытым верхом спешно выкатилась со двора.

Весь день шел дождь, а к ночи еще и ветер поднялся. Стало сыро и промозгло. Настроение у слуг был прескверным.

– Может, вернемся?.. – вновь проворчал Харитон.

Сидящие с ним рядышком лакеи с надеждой прислушались, что ответит хозяин из-под кожного навеса. Но тот молчал, закутавшись в плащ. Тяжело вздохнув, Харитон стегнул вожжами лошадей, и те нехотя припустили трусцой по темной вязкой дороге.

Обогнув городскую заставу и мостом перебравшись через Белоглинский овраг, они ехали к Театральной площади. Газовые фонари тускло освещали улицы. Стрешнев мыс-

ленно благодарил Бога за посланную непогоду. Вокруг не было ни души, лишь изредка тьякали из-под ворот сонные собаки. Да и то их голоса, почти что не были слышны из-за сильных порывов ветра и шума дождя.

К счастью, театральные светильники из экономии оказались погашены. На голове Музы Комедии красовался венок из роз, а сама она была изображена в развевающемся платье. Теперь, при сильном ветре, оно казалось настоящим и очень легким!

Читатель, конечно же, разгадал опасную затею Сергея Ильича. Но слуги по-прежнему ни о чем не догадывались.

Стрешнев поднес ладони ко рту, ибо голос его с каждым порывом ветра относил в сторону, и криком велел своим лакеям нести покрывала.

– А ты, – обернулся он к Харитону, – привяжи канат к запяткам коляски!..

Подойдя к скульптуре, Сергей Ильич сам начал крепко обвязывать статую другим концом каната. Филька и Васька очумело посмотрели на него.

– Убьетесь, барин!..

– Молчать! – гневно закричал он на них. – И пошевеливайтесь!

Слуг взяла оторопь. Но опасение, что театральный сторож может застукать их в самый неподходящий момент, заставило тотчас же броситься помогать хозяину.

Когда канат был привязан, а покрывала приготовлены, Стрешнев приказал Харитону отъезжать. Сам он встал с поднятыми руками возле статуи, чтобы тут же поддержать ее, когда Талия оторвется от пьедестала.

Канат сильно натянулся, казалось, он даже зазвенел на ветру. Статуя покачнулась...

Внезапно молния расколола небо на две части. Ярчайшая вспышка ослепила похитителей. Над головой, что есть силы, ухнул громовый раскат, эхом отозвавшийся за городским садом.

– Небо за воровство гневится! – крикнул Филька прямо в ухо Ваське.

Тот не успел ответить, как вторая молния разорвала непролазную тьму и с треском чиркнула по статуе. Тысячи искр брызнули во все стороны, жала руки и лица, словно разозленные пчелы.

Слуги лихорадочно крестились:

– Господи! – причитали они. – Не убий! Пожалей! Прости!..

И тут, с третьей вспышкой, озарившей небесный простор, все увидели, что на руки мужа падает бесчувственная давно пропавшая молодая барыня.

– Ия! – закричал Стрешнев, обнимая ее. – Душа моя!

Глаза женщины были закрыты, она часто дышала. Сергей Ильич укрыл ее своим плащом и отнес в коляску. Комическая маска выпала из тонкой руки прямо под колеса, а бубен, что был в другой ее руке, – зазвенел, подпрыгивая по ступенькам театра.

Слуги с вытаращенными в темноте глазами без конца повторяли молитвы.

– Гони что есть силы! – крикнул Стрешнев Харитону. – Через заставу!

И на этот раз Бог миловал: проскочили они заставу без приключений, и теперь, скрипя рессорами, уже мчались по знакомой дороге домой.

Слуги, стуча зубами, перевели дух. Их одежда промокла насквозь, а руки окоченели. В кромешной тьме тонули и звезды, и лица похитителей. Лишь по мятному запаху скошенных трав можно было определить, что едут они через луга. Лошади были опытные: сами несли коляску домой, замедляя бег на поворотах.

Была глубокая ночь, когда госпожу внесли в дом и положили на диван в гостиной.

Она все еще не пришла в себя: мокрые ресницы дрожали, губы шептали что-то бесвязное – разобрать было нельзя.

Горничная и старушка-ключница растерли холодную, недвижимую, невесть каким образом, вернувшуюся хозяйку, переодели ее в сухую рубашку. После этого Сергей Ильич

сам перенес супругу в спальню. Он укрыл ее пуховым одеялом и погасил все, кроме одной, свечи.

Дождь стучал по крыше, а в окно сквозь толстую пелену свинцовых туч сочился серый рассвет.

Стрешнев все смотрел и смотрел на спящую жену и не верил, что она рядом – и все так же прекрасна. Казалось, жена ни на день не постарела. Лишь поразила его странная белизна нежной кожи, а синие круги вокруг глаз, казалось, говорили о смертельной усталости. Он просидел подле нее в кресле почти до самого утра, не заметив, как задремал.

Разбудил его дворовый петух, что прокукарекал в положенное время. Сергей Ильич проснулся и тут же кинул взгляд на кровать.

К своему ужасу он обнаружил, что постель – пуста. Сердце его забилося так же сильно, как тогда, в Италии, в то злосчастное утро.

Ию искали везде: в доме, в саду, за огородами – ни следов на дороге, ни отклика на его зов...

Между тем, из города с дознанием никто не приезжал: ни полицейские чины, ни сыщики самого губернатора. Видно, решил Стрешнев, не напали еще на след.

Лишь несколько дней спустя, когда дорога высохла основательно и привычно запылила под колесами, – к Сергею Ильичу наконец-то приехал Александр Привалов – проведать, как он изволил деликатно выразиться. Стрешнев не стал рассказывать гостю о случившемся, а тот не напоминал о докторе, которого товарищ на порог не пустил.

Они поговорили о погоде, о лошадях, о ценах на пшеницу, затем Привалов живописал прекрасный бал в доме статского советника, и поделился тем, что сделал-таки предложение его дочке. Лишь в театр больше не звал, боясь болезненных фантазий друга.

Но Сергей Ильич сам осторожно задал вопрос товарищу:

– А что, братец, статуи у театра?

– Какие статуи?! – нарочито удивился тот, словно не понял.

– Ну, у театра Афонина, – напомнил Сергей Ильич. – Все ли на месте?..

– А что с ними делается?! – искренне удивился Привалов. – Куда поставили, там и стоят.

Стрешнев застыл в недоумении:

– То есть, как это стоят?!.. Все – девять?!

– Сколько положено! – кивнул Привалов.

– Видно, с того дня ты там не бывал! – не поверил Сергей Ильич.

– Как же! – хмыкнул гость. – Только вчера проспал на водевиле. «Три десятки» называется. Чепуха непревзойденная! Но актрисы, скажу я тебе – шарман! Говорят, двух из них Афонин купил у самого Расцветаева! Звонкие голоса! Знойные улыбки! Стройные ножки! А талии – тоньше осиной!

– Вот-вот! – оборвал его Стрешнев. – Талию-то, что стояла перед театром, – сперли!

– Кто?! – не понял Привалов.

– Воры, кто ж еще!

– Да кто тебе сказал об этом?!

– Уж сказали... – загадочно произнес Сергей Ильич.

– Вранье! – отмахнулся Привалов. – Вчера сам видел. Третья слева. Только после ночной бури (помнишь, третьего дня?) она слегка пострадала: наверное, молния ударила. Кажется, у нее бубен разбило. А так – стоит! Что ей делается?

– Ты это точно говоришь?! – затормошил его Стрешнев.

– Вот те крест! – перекрестился гость, пытаясь успокоить друга. – А не веришь – едем со мной! Сегодня другой водевиль дают. Забыл, как называется. Но не в этом дело. На актрис посмотрим, а то скоро женюсь...

– Так не женись, – резонно заметил Сергей Ильич. – Коли не любишь.

– Я?! Не люблю?! – в запальчивости возразил Привалов.

– Коли б любил – знойных улыбок вокруг себя не замечал бы.

Когда друг уехал, Стрешнев велел закладывать лошадей. Но только Харитон выкатил коляску к парадному подъезду, – вдруг отменил приказ.

«Поеду-ка я завтра в город, – решил он. – Прямо с утра!..»

И всю ночь вертелся с боку на бок, задавая себе один-единственный вопрос, что же это все-таки было? Какая тайна увлекла его за собой? Что бы там ни было, он должен ее разгадать...

Стрешнев вспомнил венчанье, и свою свадьбу с бубенцами, и поездку в Италию, и загадочную встречу с женой на прошлой неделе... Глаза жгли слезы, но стыдиться их было не перед кем...

На следующее утро Сергей Ильич отправился в город к Афонину.

Когда-то они с Афониним были довольно тесно знакомы: оба любили бильярд и на званых вечерах предпочитали сплетням, картам да буфету власть погонять шары по зеленому сукну. На эту встречу он решился за утренним кофе, надеясь получить у губернского богача ответ на мучивший его вопрос. Зная, что Валентин Николаевич встает с петухами, Стрешнев велел Харитону закладывать коляску.

Проехав городскую заставу, Стрешнев решил вначале все же удостовериться в правоте слов Привалова, и приказал кучеру повернуть к городскому саду. Проезжая мимо нового театра, Сергей Ильич действительно узрел на положенном месте все девять муз, среди которых была и его Талия, только без венка, комической маски и бубна. И туника теперь больше смахивала на рубашку, в которую передела ее горничная. Удивительно, что никто этого не заметил, кроме него!

Как ни странно, боль, сжимавшая сердце все пять долгих лет, немного отступила.

– Гони на Дворянскую! – задумчиво молвил он, и коляска застучала дальше по мостовой.

Афонина Стрешнев застал в палисаднике: тот аккуратно подрезал кусты. Завидев старого уездного знакомого, он спрятал садовые ножницы в карман фартука и, радушно улыбаясь, пошел ему навстречу.

– Если не ошибаюсь – Стрешнев?!.. Сергей Ильич? Какими судьбами?!.. Давненько мы с вами шарами не стучались. Может, сыграем в «американку», или в «пирамиду»?.. А вы отлично выглядите!.. Представляете, про вас давеча такого наговорили, что хоть – в могилу ложись!.. Вот ведь языки без костей!.. Будто вы... – он заговорщицки подмигнул, – одну из муз, что у театра, приняли за вашу, пардон, жену!.. А я ответил: ну, перебрал человек! Тоже, когда выпью лишку – такую ахиною несу!.. Ха-ха-ха!..

Но, узнав, что Стрешнев действительно интересуется театральными музами, Афонин спрятал улыбку:

– Чем могу помочь, сударь? – спросил он и достал, как бы невзначай, ножницы из кармана.

– Интересуюсь, – спросил Стрешнев, – откуда у вас статуи?

– Украл! – расхохотался богач.

– У кого?.. – не понял шутки Стрешнев.

– Да что это с вами, Сергей Ильич? – изумленно посмотрел на гостя Афонин. – Я заказал их в Риме. В мастерской известного скульптора Пьетро ди Степпа.

– В Риме?! – взволнованно спросил Стрешнев. – Когда ж это было?

– Лет пять назад. Как начал строительство театра... Кстати, этот итальянец недурно говорит по-русски. То ли его отец, то ли мать были из рода князей Степниных. Эй, куда же вы?!..

Но Стрешнев уже выбежал за ворота, вскочил в коляску и толкнул в спину Харитона. Лишь в последний миг обернулся:

– Спасибо вам, Валентин Николаевич! Век не забуду!

2.

Сергей Ильич поехал в Италию налегке: небольшой баул да саквояж.

Прибыл он к вечеру, оставил вещи в гостинице, быстро умылся и переоделся. Затем, взяв трость, подаренную женой (тогда еще невестой) ко дню его рождения, даже не поев, отправился по делу. Ему не терпелось поскорее разгадать тайну мраморной Талии.

Рим. Сан-Аньезе

Мастерскую скульптора ди Степпа Стрешнев нашел легко. Указал Сергею Ильичу дом скульптора священник церкви Сан-Аньезе. И, перекрестившись, долго смотрел Стрешневу вслед. Кто не знал в Риме этот, стоящий неподалеку от церкви, старинный палаццо из рыжеватого туфа с решетчатыми ставнями на окнах?

Про этот дом и, особенно про его хозяина, ходили темные слухи. Скульптор не имел учеников и вел скрытный образ жизни, будоража этим любопытство соседей. Уличные мальчишки иногда забирались на стену, впрочем, не обнаруживали там ничего интересного.

Синьор ди Степпа аккуратно – раз в месяц – жертвовал большие деньги на нужды храма и раз в год покупал индульгенции на крупную сумму. Это еще больше раздувало сплетни вокруг скульптора, ибо обычный человек с повседневными грехами не станет менять деньги на какие-то там бумажки, пусть даже выпущенные святым папством.

Стрешнев деликатно постучал дверным молотком в глухую калитку палаццо.

Никто не отозвался.

– Forza, signiore! – посоветовала ему проходящая мимо старушка.

Он постучал сильнее. Резкий неприятный стук разнесся по всей улице. В нескольких окнах дома напротив приоткрылись занавески.

– Chi e? – раздалось из-за ворот.

– Я из России, – торопливо промолвил Стрешнев. – Хочу поговорить о выгодном заказе...

В калитке открылось крошечное квадратное окошко, и чей-то карий глаз внимательно стал разглядывать гостя. Глаз, видимо, удовлетворился осмотром: окошко захлопнулось и тут же приотворилась калитка, однако, ровно настолько, чтобы в нее можно было лишь протиснуться, что и сделал Сергей Ильич, перешагнув через каменный порожек.

Дворик был тих и пуст, на цветочных клумбах чинно цвели фиалки и камелии. Не росли, как во всех дворах, фисташковые и ореховые деревья, олеандры и прочее. Только прямо у парадного входа зеленела пиния, и ее крона буйно разрослась над полукруглым балконом. Дорожки, вымощенные цветными плитами, были тщательно подметены и даже, казалось, вымыты.

Слуга – мрачный подтянутый старик – тщательно запер калитку и протянул руку к дому, приглашая гостя.

Внутри роскошного, отделанного мрамором палаццо так же было тихо и пустынно. В доме великого скульптора отсутствовали следы какой-нибудь его профессиональной работы.

Гостя провели в уютную небольшую гостиную, где, несмотря на знойный август, топился камин.

На одной стене возвышались стеллажи с книгами, на другой висела картина в овальной раме. На ней были изображены цыгане: мальчик с гитарой и девочка с несколькими монетами в смуглой ладони.

Слуга подбросил в огонь поленьев, прислушался, затем торжественно произнес:

– Siniore di Steppa! – и почему-то вышел.

Покрытые золотой лепниной двери вскоре распахнулись. Слуга появился вновь, толкая перед собой инвалидное кресло. В нем сидел седобородый крепкий мужчина, одетый в теплый парчовый халат и шерстяные перчатки. Он кутался в цветной клетчатый плед, словно за окнами свистела сибирская вьюга.

Это и был хозяин палаццо синьор Пьетро ди Степпа.

Разбитые параличом плотно укрытые ноги безвольно свисали с подножки. Руки, начинающие терять координацию, дрожали, и лишь седая голова была еще подвластна своему

хозяину, хотя глаза смотрели на все пустым и потухшим взглядом. Смуглое лицо его, покрытое сетью глубоких морщин, напоминало обработанный резцом камень.

Завидев гостя, синьор Пьетро прищурился, и какая-то искра на мгновение вспыхнула в безжизненных глазах. Гость поклонился:

– Стрешнев Сергей Ильич. Потомственный дворянин. Из России!..

– Чем могу служить? – спросил скульптор по-русски с небольшим мелодичным акцентом.

Сергей Ильич улыбнулся как можно любезней, намереваясь произвести хорошее впечатление:

– Я услышал о вас от моего приятеля... э-э-э... синьора Афонина. Он заказывал у вас фигуры девяти муз для своего театра в городе С.

Ди Степпа утвердительно кивнул.

– Очень тонкая работа! – восторженно похвалил Стрешнев, уверенный, что нашел нужный тон разговора. – У вас прекрасный вкус и золотые руки, синьор!

Ваятель даже не улыбнулся, как сделал бы на его месте любой другой, услышав похвалу. Напротив, синьор Пьетро нахмурился и холодно промолвил:

– Чего хотите вы?

– Заказать или купить что-нибудь из ваших работ, – с готовностью ответил Стрешнев, осмотревшись вокруг себя: – Однако, не видя образцы, а также не имея чести посетить вашу мастерскую...

Скульптор хотел было что-то сказать, но тут стоящие у окна напольные часы в виде танцовщицы, держащей в руках циферблат-бубен, прозвенели восемь раз.

– Простите меня, синьор, – обратился он к Стрешневу с ледяной учтивостью, – но, к сожаленью, наша встреча не была заранее оговорена. Строжайший режим заставляет жить не так, как хотелось бы... В это время меня посещает доктор. Так что вынужден извиниться за прерванную беседу, и жду вас завтра к полудню.

Он кивнул головой, и слуга с любезным равнодушием указал Стрешневу на выход.

– Прошу быть обязательно... Меня очень заинтересовало ваше предложение... – услышал Сергей Ильич вслед голос скульптора.

Он неспешно двинулся по улице, рассчитывая зайти в ближайшую по пути остерию. У Стрешнева даже засосало «под ложечкой». Но тут навстречу ему промчалась карета и остановилась у ворот, из которых он только что вышел.

«Наверно, доктор приехал...» – подумал Сергей Ильич. Из кареты вышел мужчина. За ним – девушка. На юном лице было написано любопытство и нетерпение. Взяв ее под руку, мужчина постучал в знакомую калитку. Калитка незамедлительно отворилась, и новые гости поспешно вошли во двор. А карета осталась у ворот. Чувство голода улетучилось, словно пар над чашкой чая. Сергей Ильич решительно повернул назад.

Для начала он полюбопытствовал, нельзя ли проникнуть в палатку со стороны узкого переулочка. Переулок был темен и пуст. Крепкие – толщиной в руку – ветки винограда добрались до самого верха кирпичной стены.

Не долго думая, Сергей Ильич стал взбираться по лозе. Не прошло и минуты, как, сам себе дивясь, он уже спрыгнул в траву, по ту сторону ограды, подбежал к дому и, ухватившись за толстую ветку, без труда подтянулся на ней. Окно сразу же оказалось перед его носом.

Эта была та самая комната, в которой Стрешнев успел побывать. Он не слышал, о чем говорили пришедшие к скульптору, но превосходно все видел.

В гостиной шел торг. Пьетро ди Степпа отсчитывал деньги под немигающим взором мужчины. Девушка стояла рядом, разглядывая картину с цыганами – видимо, ее покупали. Наконец продавец и покупатель ударили по рукам. Слуга достал из шкафа синюю бутылку с

вином и стал разливать его по бокалам. Мужчины чокнулись. Девушка пить не стала. Затем, откланявшись, они повернулись к выходу, но тут!..

Тут произошло нечто такое, от чего кровь у Стрешнева похолодела, несмотря на вечернюю жару.

Мужчина пошатнулся и рухнул на пол. Девушка вскрикнула, но не успела она кинуться к упавшему спутнику – слуга схватил ее и по кивку хозяина насильно влил ей в рот вино, от которого она только что отказалась. Гостья сопротивлялась, несколько алых капель упали на светлое платье.

Скульптор подождал минуту-другую и, убедившись, что они то ли мертвы, то ли без памяти, – усмехнулся такой зловещей улыбкой, что Сергей Ильич чуть не свалился с дерева.

Он видел, как слуга вынул у мужчины, полученные от скульптора деньги, затем стал снимать с них одежду. Одежда полетела в камин. После этого слуга принес рыцарский костюм и латы, и принялся одевать мужчину. Девушку же он нарядил в тунуку и легкие сандалии.

А потом...

Из бушующего в камине огня появился самый натуральный дракон с перепончатыми крыльями и мощными птичьими лапами.

«Свят, свят!..» – шептал Сергей Ильич, не имея возможности перекреститься.

Дракон, изрыгая из пасти фонтан искр, превратился в колченогого горбуна с крючковатым носом и беззубым ртом. На руках, что доходили до самого полу, вместо пальцев чернели когти. Единственный глаз горел лиловым огнем, а изо рта вырывались клубы дыма.

При его появлении скульптор указал рукой на лежащих недвижимо людей. Стрешнев вперился в окно, не мигая.

Горбун подбежал к телам, склонился над ними. Кривая ухмылка проползла от уха до уха. Он одобрительно кивнул головой. Затем достал из воздуха черную книгу, раскрыл ее, что-то прочел. После этого он и лежащие на полу люди влетели в камин и тут же исчезли.

Огонь успокоился.

Стрешнев не помнил, как раздался треск обломившейся ветки, как он упал и потерял цилиндр и трость. Гонимый ужасом, он бросился не к стене, а к воротам и выскочил на темную улицу.

Ночью он спал плохо: много вертелся и стонал.

Снилось страшное. То его кидали в чан с кипящей водой, то подвешивали на перекладине. Он тонул в бурлящем море, летел вниз со шпиля собора святого Петра. За ним гнались разъяренные псы и крысы. А из окон кособоких палаццо выглядывали рожи. Стрешнев бежал по грязной мостовой, спотыкаясь, падал в черные лужи с запахом крови... И всю ночь непрерывно слышал хохот страшного горбуна, который на перепончатых крыльях кружил над ним до утра.

Проснулся Стрешнев с больной головой, еле поднялся с постели, комната заходила ходуном. Он сел в кресло и с досадой подумал, что в таком состоянии, пожалуй, никуда не сможет пойти. Тем не менее, вызвал горничную, заказал крепкий кофе. После ее ухода он вновь прилег на кровать.

Легкий ветерок раздувал гардины, в номере было свежо и спокойно. Внезапная истома охватила его, он вдруг ощутил, что в номере кроме него, есть еще кто-то!.. Сергей Ильич приоткрыл глаза и увидел ее – Ию! Она стояла у окна и, глядя ему в лицо, таинственно улыбалась.

Он вскочил с кровати, пытаясь схватить жену за руку. Стрешнев вздрогнул и очнулся: в комнате – никого, лишь в руке зажат край гардины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.